

Читайте в серии:

- В. Кунин «Интердевочка»
 «Сошедшие с небес»
- О. Руднев «Долгая дорога в дюнах»
 «Долгая дорога в дюнах II.
 История продолжается»
 «Рейс 317»
- И. Грекова «Хозяйка гостиницы»
 «Свежо предание»
- К. Шахназаров «Курьер»
- В. Панова «Сентиментальный роман»
- И. Велембовская «Женщины»
- И. Гофф «Совсем новая жена»

Инна Гофф

Совсем
Новая жена

АЗБУКА
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Г74

Разработка серии и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Гофф И.

Г 74 **Совсем новая жена : повести и рассказы / И. Гофф. — М. : АЗБУКА, 2025. — 336 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).**

ISBN 978-5-389-29651-0

Герои этой книги жили более полувека назад, но надеялись и любили, разочаровывались и продолжали верить — так же, как и мы сегодня.

Мать только что вернувшегося из армии сына оказывается не готова к тому, что он давно вырос и хочет жениться, и пытается развести молодую пару.

Девочка под диктовку тетки пишет незнакомой женщине, приславшей ее отцу письмо, как счастливо живут ее родители, даже не подозревая, чем обернется эта тайная выходка.

Опытный врач, недавно узнавший, что тяжело болен, не может поделиться плохой новостью с женой и дочкой, но мысленно пишет письма прощания своей давней любви, которые та никогда не прочтет.

Супруги готовят стол, чтобы встретить старого друга и его «совсем новую» жену, но все еще помнят, как все они были дружны с его «первой», Маришей, и придиричиво сравнивают.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-29651-0

© Гофф И., наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

КОРОТКО О СЕБЕ

Писать о себе — значит оглядываться.

— Напишите о себе, — говорил Константин Георгиевич Паустовский каждому из своих студентов. — О том, почему вы стали писать.

Мы впервые оглядывались на себя.

Это было давно. С тех пор желание оглянуться, вспомнить, разобраться в себе самой возникало не раз. Это не ностальгическая проза. Я оглядываюсь не затем, чтобы вернуться. Я хочу запечатлеть в памяти то, что уже позади.

И еще — ориентироваться на местности, свериться с компасом своей души. Писатель обязан своей биографией. Он зависим от нее. От суммы впечатлений детства и юности. От того, как он прожил зрелые годы, — с кем общался, дружил. Какие книги встретил на своем пути.

Я не была литературным ребенком, хотя сочинять начала очень рано. Знаю это из записей мамы, которая некоторое время вела нечто вроде дневника, мне посвященного. Предназначалось это, естественно, для семейного архива — никто в семье не прочил меня в писатели. Да и сама я, уже позднее, в школьные годы, продолжая сочи-

нять, испытывая по временам прилив истинного вдохновения, от которого жарко пылали щеки, вдохновения, не вмещавшегося в строчки неумелых стихов, — я всегда сердилась, когда мне предсказывали будущее писателя.

Ведь писатель, мнилось тогда мне, только описывает чью-то яркую жизнь. Я даже придумала отповедь: хочу сама жить так, чтобы писали обо мне!

Довоенное небо сияло над головой.

Довоенное солнце слепило глаза.

Было время подвигов и рекордов. Время песен и маршей: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Кем только я не хотела стать! И капитаном дальнего плавания. И астрономом. И кинорежиссером.

Только не писателем!

Нет, я не была литературным ребенком. Не посещала литературные кружки, где соревновались вундеркинды. (А иных и печатали!)

В нашей семье любили книги, но не собирали их, не хранили в книжных шкафах. Я даже не помню книжных шкафов или полок. Книги жили вместе с нами, они были везде — в нижних отделениях высокого резного буфета, на письменном столе отца, у бабушки на диване. Старинная энциклопедия с папиросной бумагой над цветными вклейками. Дореволюционные издания Пушкина, Гоголя, Крылова. С ними знакомила меня бабушка, Софья Яковлевна. Родители много работали. Бабушка вела в доме хозяйство и воспитывала меня между делом.

Замечу, это очень важно, когда воспитывают между делом. Не ставя целью самое воспитание. Человек растет как бы вольно.

Детство бабушки прошло в Сумах, под Полтавой, в семье инженера. Но она впитала в себя наряду с куль-

турой, знанием иностранных языков и тот сельский быт, что ее окружал с малых лет. А как она пела украинские песни!..

Ей обязана я складом своего характера, тем эмоциональным зарядом, который несу через всю свою жизнь.

Я тоже родилась на Украине, в Харькове. С этим городом связаны первые впечатления детства. Приходилось бывать в самых глухих отдаленных украинских селах — отца командировали туда врачом, и мы ездили с ним.

До сих пор испытываю волнение при виде беленой хаты с подсолнухами и мальвами за невысоким тыном. И беспредельного поля рослых золотых колосьев...

Война, отняв родной дом, одарила меня второй моей родиной — Сибирью. Навеки связала мое сердце с Томском, его старыми гористыми улицами, в ту пору еще часто с деревянными мостками. С его неоглядной стальной Томью.

Военный госпиталь. Школа, где занятия шли в три смены. Завод «Красный богатырь», эвакуированный сюда из Москвы. Конвейер: мы делали противогазы. Запах резины и талька.

Война. Время потерь. Люди теряли кров. Теряли на перепутьях друг друга. Иногда навеки.

Теряли жизнь...

Желание писать об этом пришло как единственный способ сохранить, собрать, обрести утерянное. Оживить погибшее...

Писать! И я писала. Не думая стать писателем.

Писала, чтобы *сохранить*.

Глаза тяжелораненого. Деревянное крыльцо в четырех ступеньки. Пряный аромат черемух в ночном воздухе. Ощущение внезапной радости, словно окликнул в толпе родной голос...

Многие, чья юность совпала с войной, говорят, что писателями их сделала война. То же могу сказать и я.

В Литературный институт я поступала со стихами. Потом стала писать прозу. Начала с повестей. Позже увлек жанр рассказа.

Рассказ — это сжатая пружина. Он таит в себе многие жанры. Он требует от автора дисциплины. Единственно необходимой, отточенной фразы.

— Вы давно доросли до романа, — сказала мне когда-то Вера Федоровна Панова.

Я считаю, что после своих более крупных вещей *доросла* до рассказа.

Но и эти рамки показались однажды тесными. Овладев формой письма, я избрала более свободную манеру. Включила в повествование свои размышления об увиденном и пережитом. Так возникли рассказы-эссе. А также рассказы-исследования.

Так возникла повесть воспоминаний «Превращения».

Я дорожу свободой письма, к которой пришла не сразу. Для меня это возможность близкого общения с моим читателем. Возможность разговора, который мог бы состояться за дружеским столом или в купе вагона дальнего следования.

Читатель в чем-то согласится со мной, с чем-то поспорит.

Задумается, вспомнит свое...

Главное, чтобы встреча состоялась.

Пусть одной из таких встреч станет эта книга.

Инна Гофф

Москва

Декабрь 1985 г.

СОВЕТЫ БЛИЖНИХ

Нет, он совсем не похож на Колю. Коля был человек! Если бы меня спросили, какое главное качество было у брата, я бы сказала — чувство долга...

А этот!.. Вы только посмотрите на него... Жених! Дурачок какой-то!.. Вы видели что-нибудь подобное? Ты, герой! Надень китель, покажись гостям!..

Он спит, лежа на спине, приоткрыв рот и слегка посапывая. Он вырос, и тахта стала коротковата, а лицо все такое же детское. Даже не верится, что ему уже двадцать. Я смотрю на него и думаю: вот так он спал на койке в казарме...

Китель с голубыми петлицами висит на спинке стула. Много всяких значков — я в них не разбираюсь. Знаю только комсомольский значок. И десантный — парашют на синей эмали и подвеска с цифрой «восемь». Восемь прыжков. Он мне про них не писал, и я усомнилась — прыгал ли? Может, выпросил у кого значок?.. Он рассердился. Сказал, что, конечно, мог и не прыгать — для радиомеханика это не обязательно. Просто хотелось все испытать.

Два года я ждала его писем. Считала месяцы, дни, часы. Стояла в очереди к почтовому окошку — сигареты «Прима», карамель «Снежок», сапожный крем. Девушка сочувственно улыбалась, оформляя квитанцию с номером полевой почты. В каждом письме я посылала ему рубль, в праздники — три рубля. Борис говорил: «Ты его балуешь!..»

Витька учится на вечернем юридическом, а днем работает в мастерской по ремонту телевизоров и радиоаппаратуры. В тот вечер ему не надо было идти на занятия. Бориса еще не было дома. Его организация перебралась на другой конец города, и он не приходит раньше восьми.

Мы с Витькой поужинали вдвоем и пили чай. И вдруг он сказал, что, пожалуй, уедет. Я обалдела.

— Далеко собрался? — спросила я.

— Хотя бы к Симке Чижову, на Север. Вот такой парень! Тоже дембель семьдесят пять. Посмотри мой альбом, там он есть.

Мне знакомо это словцо, производное от слова демобилизация.

— Ты решил бросить институт? — спросила я, как могла, спокойно.

— В общем, да. — Он встал из-за стола и, отодвинув чайник, прикурил от горелки. — Все эти талмуды не для меня. Если б можно было стать судьей, не зубря все эти статьи...

— Ты имеешь в виду суд Линча? — я еще пыталась шутить.

— Ну, зачем же? Просто мне надоело, понимаешь? Я радиомеханик. Но это не все. Я умею косить, асфаль-

тировать улицы и дороги, укладывать рельсы... Мне дала это армия за два года! Не находишь ли ты, что система высшего образования...

— И что ты будешь делать на Севере? — перебила я. — Штукатурить или косить? — Он меня раздражал все больше.

— Возможно, пойду в лесничество. У Чижова отец лесничий. Он даже Симке писал: если кто из ребят изъявит желание...

— А я-то мечтала, что мой сын станет культурным, образованным человеком!

— Культурным! — Он усмехнулся. — Ты знаешь, что сказал один мудрец? Культура — это то, что остается после того, как человек забыл все, что сдавал на экзаменах...

Он смотрел на меня. Я чувствовала, он чего-то не договаривает.

— Ну, чего уж там! Добивай! — сказала я. — Жениться надумал, что ли?

Мне казалось, что я безумно сострила. Что он расхохочется и поперхнется горячим чаем. А я буду хлопать его по спине, чтобы он прокашлялся, как в детстве.

— В общем, да, — сказал он.

И комната поплыла.

Он что-то говорил. О какой-то девушке, которая писала ему в армию письма, а потом взяла и приехала... Да, на три дня! Только затем, чтобы повидать... «Ты вот приехать не догадалась, а она...»

Что-то случилось со мной. Я бросала в него чем попало, и он ловил на лету все эти предметы — мочалки, кастрюли, тарелки. Не зря в детстве он был вратарем в своей школьной команде.

Кое-что все же разбилось — две чашки и блюдечко для варенья. Я выделяла адреналин в страшном количестве. И наконец он иссяк, а может быть, просто иссякли силы. Мы оба тяжело дышали.

— Ну, мать, ты даешь! — сказал он. — Валерьянки накапать?

— Дурак! — сказала я и заплакала.

Хорошо, что Бориса не было дома. Когда он пришел, все было уже на своих местах. Борис любит порядок. Он у нас исключительно правильный. Уходя, гасит свет. Не ломает насаждений, не перегружает последние вагоны метро и не дает детям играть с огнем. Детей у нас в доме нет, если не считать Витьку, который собрался жениться...

И ни в одном письме, ни разу!.. А может быть, я пропустила? Нет, я знаю все его письма, каждое наизусть. Он писал мне обо всем — о погоде, о том, как прошли учения и как они строем ходили в театр. И сообщал, на что потратил мою рублевку, хотя такого отчета я от него не требовала. Рублевку он тратил на пряники и конфеты — он любит сладкое. Его письма казались такими детскими!.. Об этой девчонке — ни слова. Нет, что-то было! Короткая приписка, я не придала ей значения. Возможно, потому, что это была всего лишь приписка.

Постскриптум...

Мне не терпелось остаться одной и перечитать эти письма под иным углом зрения. Но они, Борис и Витька, как назло, были дома и, глядя на экран телевизора — шла какая-то муть, — лениво перебрасывались словами.

— У вас в роте был телевизор? — спрашивал Борис.

— Даже цветной. Подарок соседней части. Я же об этом писал...

— Да, вспоминаю. Избаловали вас. В мое время телевизоров не было, тем более цветных.

— Но печатный станок уже изобрели? И этот, как его... дагерротип?..

— Ефрейтор Звонцов, два наряда вне очереди!..

Борис не служил в армии. Верней, служил очень недолго, вскоре после войны. Он заболел гриппом, начались шумы в сердце, и его уволили в запас. Да и что это была за служба! Какая-то хозяйственная часть при Доме офицеров... Но он любит говорить об армии: «В мое время...» — и знает много солдатских баек. Одна из них про ефрейтора. Попросился солдат к бабке в хату переночевать. Она ему: «Заходи, внучек». — «Я, бабушка, не один. Мы с ефрейтором». — «А ты Ефрейтора к забору привяжи...»

С тех пор как мы узнали, что Витьке, как отличному солдату, присвоили звание ефрейтора, я это слышала раз двести.

«Бабка, пусти переночевать». — «Заходи, внучек». — «Я с ефрейтором...»

Витька смотрит на меня ожидающе — когда я начну посвящать отца в его планы? Но я не спешу. Во-первых, я за себя не ручаюсь. Во-вторых, у Бориса большое сердце, по крайней мере он так считает. И потом... Может, это еще не очень серьезно? Мне хочется лишь одного — перечитать его письма.

Наконец все стихает. Борис, шурша вечерними газетами, удаляется в нашу комнату. Витька достает из постельного ящика простыни и с непривычной

для меня ловкостью застилает свою тахту — до армии я всегда стелила ему постель.

Нагнувшись к моему уху, он шепчет:

— Привет чемпиону по метанию тарелок!

Я небожно щелкаю его по носу.

Он засыпает мгновенно, предоставив мне мучиться и не спать всю ночь.

— Ты скоро? — спрашивает Борис. — Я гашу свет. — Можно не смотреть на часы — Борис гасит свет ровно в двенадцать.

— Скоро, — говорю я. И достаю из книжного шкафа альбом и связку писем.

Как тесно спрессована в них двухлетняя жизнь моего сына!..

Я листаю альбом. «Дембельский альбом» — так называет его Витька. Фотографии, рисунки, афоризмы. И, конечно, самолеты. Они на каждой странице — то взмывающие в небо, то пикирующие к земле. Одним словом, авиация. И за каждым смелый росчерк — по-научному, как я уже знаю теперь, инверсионный след. На первой странице лозунг: «Два года, 24 месяца, 730 дней, 17 520 часов, 1 051 200 минут, 63 072 000 секунд — без капремонта!»

Фотокарточки ребят, служивших с Витькой. Под каждой фамилия и несколько слов на память. Некоторые парни мне знакомы по письмам. Я даже знаю их клички — Эллипс, Болт, Тезка. Ашота Боряня звали ласково — Ашотик. У моего была кличка Москвич. «Как ты понимаешь, это ко многому обязывает, — писал он тогда, — но что поделать, в нашем взводе больше нет москвичей». Вот и Симка Чижов!.. Грубоватые черты, белесые ресницы и брови. И дурацкое прозвище —

Оклахома. Под фотографией: «Салют, Москвич! До скорой встречи на наших широтах! Жму краба! Серафим Чижов, он же Оклахома...»

— Вот тебе — «до скорой встречи»! — Я показала Оклахоме фигу и захлопнула альбом.

Из крана капало, но не было сил встать и прикрутить его до конца.

Почему нет спокойной жизни? Когда в доме тишина, и дыхание сына за моей спиной, и мерцание фонарей за окном...

Нет, я не вынесу, если он женится и уедет!

Перебираю письма в поисках злополучной приписки. «Ничего теплого не нужно, это не по форме — старшина отберет». Не то... «К нам приезжал начальник штаба. Чистили, драили все до блеска...» Это первый год службы...

Вот она, черт ее побори!..

«P. S. Срочно!

Я вам недавно прислал свое фото, где снят со всеми знаками и значками — “Специалист первого класса”, “Отличник ВВС”, “Гвардия” и другие. Мать, будь добра, пересними на хорошей бумаге и вышли мне. В принципе мне нужна одна фотография. Поезжай в Марьину рощу. Второй проезд, дальше не помню... Эта фотография нужна мне архисрочно, то есть немедленно...»

Я сижу, уставясь в четвертушку тетрадного листа. Одна фотография, на хорошей бумаге, срочно!

Только слепая курица могла не заметить, что сын влюбился!

«...А какие тут закаты! Вокруг ночь, только на западе пламенеет горизонт — закат. Несколько часов

назад здесь пролетели бомбардировщики, оставив за собой газовый шлейф. И вот ярко-малиновый горизонт весь исчерчен этими темно-фиолетовыми полосами. Впечатление такое, как будто стоишь на гигантской эстакаде в окружении звездного неба и смотришь на планету Марс, медленно выплывающую из черноты космоса, всю изрезанную тайнами и каналами...»

Господи, это же все о любви!

— Борис! — позвала я, устав смотреть в темный потолок. — Боря, случилась ужасная вещь!..

— М-м-м? — спросил он.

— Ужасная вещь, Боря! Витька женится!..

— Спать! Спать! — сказал Борис и, не открывая глаз, похлопал меня по плечу.

— Он сказал, что бросит институт..

— Почему обязательно ночью? — пробормотал Борис и шумно повернулся на другой бок.

Наше утро начинается в семь. Борис поднимается первый. Он принимает душ, бреется и ставит чайник. Когда чайник вскипает, он будит меня. Мы вместе завтракаем, и Борис убегает. После чего я бужу Витьку. Он неплохо устроился, работает в трех кварталах от нас. Неторопливым шагом минут пятнадцать. Ну, а мне вообще к часу дня. Я логопед — занимаюсь исправлением речи у младших школьников.

— Слушай, мне приснилось, что Витька надумал жениться? — спрашивает Борис, помешивая ложечкой в стакане.

— Если бы! — говорю я. — К сожалению, это явь!..

Борис готовит себе бутерброды. Намазывает хлеб маслом и сверху кладет ломтик колбасы без жира.

— Как ее зовут? — спрашивает он.

Я ожидала любой реакции, только не этой.

— Неужели тебе не безразлично, как ее зовут? Можно подумать, что дело в имени! Остальное тебя вполне устраивает!..

Меня просто бесит спокойствие, с которым он жует свой бутерброд.

— Так вот, твой сын вчера заявил, что хочет бросить институт, жениться и уехать на Север с молодой женой, — говорю я. И мстительно замечаю, что процесс жевания прекращается.

Борис смотрит на меня ошарашенно, потом делает глотательное движение и наконец произносит:

— Это надо поломать!..

— А как ты это ломаешь? Как? — Я прикрываю кухонную дверь, чтобы не разбудить Витьку. — Она к нему приезжала! Да, брала три дня за свой счет. И он уже ставит ее мне в пример!.. Откуда я знаю, до чего у них там дошло?

— Не делай большие глаза, — говорит Борис. — Мы это ломаем!

Он смотрит на часы. Ему пора. Он целует меня в щеку и на цыпочках пересекает проходную комнату, где стоит Витькина тахта. Я провожаю его до передней. Зимний плащ на подстежке тесноват ему в груди — верхняя пуговица всегда отрывается. И сейчас она висит на честном слове.

— Не застегивайся на верхнюю, — говорю я. — Вечером пришью...

Я привожу себя в порядок. Грею воду для термических бигуди. Тоня, у которой я причесываюсь к праздникам, их презирает. «Разве чтоб добежать до парикмахерской», — говорит она. Все же они меня выручают. Я смотрю на себя в зеркало без отвращения. Красивой я никогда не была. Красивой считает меня только Борис, хотя именно он дал мне прозвище Обезьянка. У него это звучит ласково. Иногда и Витька пытается называть меня так, вслед за отцом. Но я ему запрещаю. Нечего фамильярничать! Конечно, ему повезло, что у него молодая мама, но это еще ничего не значит!..

Мне жалко его будить. Он спит, обняв подушку, как-то подмяв ее под себя, словно боится, что ее у него отнимут. Внешне он похож на меня, такой же смуглый и темнобровый. Волосы тоже темные, только начали отрастать. Босая нога — сорок третий размер — торчит из-под простыни. Да, тахту придется менять! Придется ли?..

Я все время думаю о вчерашнем. Слова Бориса меня слегка обнадежили. Может, и правда поломаем?.. И я принимаю решение — с Витькой об этом ни слова. Пока он сам не заговорит.

— Ефрейтор Звонцов! — зову я и исполняю сигнал «подъем». Он меня обучал этим сигналам.

— Ты все перепутала, — говорит он, приоткрыв один глаз. — Ты сыграла «отбой», и теперь я должен еще вздремнуть!..

Я включаю радио на полную мощность — передают увертюру к опере «Аида» — и убегаю готовить завтрак. Витьке ничего не остается, как вскочить с постели и убраться звук.

Он делает зарядку, пуская в ход гантели и растягивая на груди эспандер. Иногда снимает с гвоздя бок-

серские перчатки — он их приобрел еще до армии — и тузит дверной косяк со зверским выражением лица.

Потом он плещется под душем, и, когда возникает передо мной в тренировочном костюме, с ясным и детским лицом, я весело рапортую:

— Ефрейтор Звонцов! Разрешите доложить — кушать подано!..

Сегодня его любимый завтрак: взбитая яичница и кофе.

— Ну что? Дома лучше, чем в армии? — спрашиваю я ревниво.

— Смотря в каком смысле, — говорит он. — Если в смысле еды, то нас кормили неплохо. Питание в армии дело государственной важности!

— Но такой яичницы ты там не ел? Сознайся!

— Сознаюсь! О такой яичнице я мечтал два года! Каждое утро, когда я зачеркивал масло, я приближал к себе миг, когда смогу ее съесть в условиях нашей кухни!..

— Да, тогда ты мечтал о доме, — говорю я. И умолкаю. Нет, ни слова о вчерашнем! Возможно, это его удивляет. Ну что ж, вчера он удивил меня. Так удивил, что я всю ночь не могла уснуть!..

По утрам он зачеркивал масло. Кто-то из остряков подсчитал, сколько за два года службы солдат должен съесть масла. Проглотив свою порцию, они зачеркивали в самодельном календарике очередную цифру. Эта игра особенно утешала салаг-первогодков в первые месяцы службы в армии. Салага, Солобон, Салапет, Чижик — насмешливо-нежные прозвища новобранцев. Год прослужил, и ты уже на полпути к дому. Ты уже не Салапет какой-нибудь, а Шнурок, Черпак, Фазан!.. И служить тебе веселей. Но дни идут, и вот ты уже Старик, а там и Дед — это уже после того, как опубликован

приказ министра обороны об увольнении в запас твоего призыва. Два месяца до гражданки! Нижняя койка в казарме — уважение и почет! И вместе с нетерпеливым желанием увидеть своих, по которым соскучился, легкая грусть — прощание с друзьями по службе...

Я все это знаю из Витькиных писем. Таких откровенных, как мне казалось.

— Ну, я пошел, — говорит он. — Если мне будут звонить, скажи, придет поздно...

— Ты не зайдешь домой после работы? Прямо в институт? — спрашиваю я.

— Еще не знаю, — говорит он. И достает новый свитер — наш с отцом подарок к его возвращению. — Возможно, я на занятия не попаду...

Я смотрю на него. Как он тщательно причесывает перед зеркалом свои вихры. Как придирчиво разглядывает себя, нахмутив брови и придав лицу строгое выражение.

— Что значит — не попадешь? — Я помню свое решение и сдерживаю себя изо всех сил. — Разве это зависит не от тебя? Сегодня четверг!..

— Да, сегодня четверг. А завтра пятница. А послезавтра, как ты сама понимаешь, суб... Чур, не драться!..

Я делаю вид, что хочу бросить в него табуреткой, и он выскакивает за дверь. Сейчас он промелькнет во дворе и скроется в арке ворот. На весь долгий день, до позднего вечера...

Нет, надо что-то предпринимать! И как можно скорее!..

Я брожу по дому в своих термических бигуди. Скоро и мне на работу. Может быть, там хоть слегка отвлекусь со своими милыми крошками!.. Эти детки соскучиться не дадут. В прошлый раз я велела им сочи-

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ИННА ГОФФ

СОВСЕМ НОВАЯ ЖЕНА

Ответственный редактор *Ю. Раутборг*

Редактор *Н. Редькова*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *А. Брусник, В. Алексина*

Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.06.2025.

Формат 84 × 108^{1/32} Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.

Тираж 3000 экз. Т-HWL-38782-01-R. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» –	АЗБУКА Баспасы ЖШҚ –
обладатель товарного знака Азбука	Азбука тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ	115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25	муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	АЗБУКА Баспасы ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А.	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А.
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55.
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

